

А. С. Козлов

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СУДЬБА СТЕРЕОТИПОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ НОМАДОВ В *RES GESTAE* АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Автор статьи исходит из того, что основной задачей Аммиана Марцеллина при описании кочевников в XXXI книге *Res Gestae* была не адекватная презентация их как абсолютно чуждых для античной цивилизации сил, но как одной из перво-причин цепи событий, которые привели к катастрофе под Адрианополем в 378 г. По мнению автора статьи, для решения такой литературно-пропагандистской задачи историк не только расчеловечил гуннов, представив их чудовищной альтернативой античной цивилизации, но и использовал для этого богатый набор стереотипов описания варварского мира, формировавшихся еще во времена Гомера и Геродота и закрепившихся в эпоху Тацита и Вергилия. При этом автор *Res Gestae* даже не делает попытки ранжировать такие пассажи и характеристики по принципу уровня достоверности, по жанровому происхождению и т. д. Кроме того, Аммиан отверг типичную для этих стереотипов идеализацию примитивной, лишенной стремления к излишествам жизни варваров. Все качества пасторальной и умеренной жизни примитивных этносов представлены в *Res Gestae* негативно, чтобы гиперболизировать чуждость этих народов. Построенная на подобных принципах идея возможности использования стереотипов как кривого зеркала добавила непредсказуемости в восприятие варварского мира. Отчасти эта непредсказуемость (еще большая чуждость) определялась отсутствием земледелия, законов, цивилизованного жилья, царской власти и т. д., что делало этих номадов сродни циклопам, изображенным Гомером. Все эти качества в совокупности исключали возможность договоренностей с варварами подобного типа. На фоне пережитой катастрофы под Адрианополем констатация этого факта делала будущее империи еще более неопределенным.

Ключевые слова: источниковедение поздней Античности; Аммиан Марцеллин; описание кочевников в поздней Античности; гунны

Цитирование: Козлов А. С. Судьба стереотипов изображения номадов в *Res Gestae* Аммиана Марцеллина // Античная древность и средние века. 2024. Т. 52. С. 12–34. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.001>

Поступила в редакцию: 29.05.2024

Принята к печати: 12.10.2024

Aleksandr S. Kozlov

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

FATE OF THE STEREOTYPICAL IMAGES OF THE NOMADS IN AMMIANUS MARCELLINUS' *RES GESTAE*

This article proceeds from the fact that the main task of Ammianus Marcellinus' account on the nomads in book XXXI of the *Res Gestae* was as not an adequate representation of them as a force completely alien to ancient civilization, but an image of one of the root causes of the chain of events that led to the catastrophe of the Roman Empire near Adrianople in 378. The author of the article believes that, in order to solve such a literary and propaganda task, the historian not only dehumanized the Huns, presenting them as a monstrous alternative to the Classical civilization, but also used a rich set of stereotypes describing the barbaric world that began to shape in the age of Homer and Herodotus and consolidated in the age of Tacitus and Virgil. Moreover, the author of the *Res Gestae* does not even attempt to rank such passages and characteristics according to the principle of the level of reliability, by genre origin, and so on. Additionally, Ammianus rejected the ideas typical of these stereotypes of idealizing the primitive barbarian life, devoid of the desire for excesses. All the qualities of the pastoral and temperate life of primitive ethnic groups are presented in the *Res Gestae* negatively to hyperbolize the alienness of these peoples. Based on similar principles, the idea of the possibility of using stereotypes as a crooked mirror added unpredictability to the perception of the barbaric world. In part, this unpredictability (even greater strangeness) was determined by the lack of agriculture, laws, civilized housing, royal power, and so on, which made these nomads akin to the Cyclopes depicted by Homer. All these qualities combined excluded the possibility of agreements with barbarians of this type. Against the background of the disaster at Adrianople, the statement of such a fact made the future of the empire even more uncertain.

Keywords: source studies of Late Antiquity; Ammianus Marcellinus; description of nomads in Late Antiquity; Huns

For citation: Kozlov, A. S. (2024). Sud'ba stereotipov izobrazheniia nomadov v *Res Gestae* Ammiana Martsellina [Fate of the Stereotypical Images of the Nomads in Ammianus Marcellinus' *Res Gestae*]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 52, 12–34. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.001>

Submitted: 29.05.2024

Accepted: 12.10.2024

Как известно, основная характеристика степных кочевников в фундаментальном сочинении конца IV в. *Res Gestae* содержится в так называемом «гуннском экскурсе»¹ (Amm., XXXI, 2). На сегодняшний день также ясно, что для адекватного восприятия и использования информации, содержащейся в описании гуннов, алан и прочих варваров в XXXI книге труда Аммиана Марцеллина, следует учитывать две основные задачи вышеназванного экскурса, нацеленные на реализацию концепции *Res Gestae* в целом. Во-первых, экскурс был призван подчеркнуть высочайший уровень угрозы для империи в 376–378 гг., а потому гунны изображались максимально расчеловеченными². Во-вторых, структура экскурса должна была способствовать объяснению перехода к описанию небывалой катастрофы 378 г. в качестве *interpunctio notis* в обосновании вероятного краха государства³. Специалистами также установлено, что для эффективного подчеркивания угрозы, исходящей от ранее неведомого врага, степных кочевников, Аммиан использовал традиционные литературно-исторические стереотипы, трафареты и приемы, хорошо зарекомендовавшие себя еще в VI–V вв. до н. э. и усовершенствованные в I в. н. э., причем даже не столько историками, сколько поэтами, ораторами и философами. Однако в изучении применения Аммианом таких стереотипов есть ряд нюансов. Историография неплохо разработала сюжеты, раскрывающие смысл и методы привлечения Аммианом материалов Гомера, Геродота, Вергилия, Тацита и др. для *Res Gestae*

¹ Ammien Marcellin. Histoire / ed. E. Galletier. Paris, 1968–1999. Т. 1–6 (далее – Amm.).

² Burgersdijk D. Creating the Enemy: Ammianus Marcellinus' Double Digression on Huns and Alans ("Res gestae" 31. 2) // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2016. Vol. 59. No. 1. P. 127–128; Richter W. Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1–11) // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 1974. Bd. 23. S. 368–371; Cassanovas G. S. La erudición y el prejuicio: bárbaro y bárbaros en Amiano Marcelino. Zaragoza, 2015. P. 86–87; Козлов А. С. Место «гуннского экскурса» в *Res Gestae* Аммиана Марцеллина // АДСВ. 2023. Т. 51. С. 12–35.

³ Согласно А. Демандту, многоплановость критики современности не только придает *Res Gestae* внутреннюю цельность, но и заставляет работать на нее многие авторские отступления и экскурсы (Demandt A. Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. Bonn, 1965. S. 14). Рассказ о гуннах, как и другие дигрессии от основного текста, лишь частично самостоятельны благодаря своей специфической информации, но в принципе неотделимы от общей критической парадигмы сочинения (Ibid. S. 103).

в целом⁴. Эти сюжеты включали в себя вопросы работы историка с текстами отдельных классиков или групп авторов для привлечения их материалов, как правило, к совокупностям пассажей, позволяющих анализировать крупные сегменты мировоззрения Аммиана – восприятие им кризисного состояния государственного аппарата империи, ее социальных проблем, бытования язычества и христианства, уникальности собственно Рима как центра цивилизации. Однако никто не делал акцента на характере использования Аммианом античной традиции описания мира варваров для понимания места «гуннского экскурса» в XXXI книге и в *Res Gestae* как в сочинении с единой концепцией. Предварительному анализу этого вопроса и посвящена данная статья.

Здесь необходимо оговориться, что эскизный характер подобного анализа, кроме всего прочего, определяется структурным единством *Res Gestae*, органичным компонентом которой, несмотря на внешнюю композиционную рыхлость, являются многофункциональные авторские отступления⁵. Иначе говоря, при изучении презентации Аммианом, например, кочевого образа жизни гуннов или сарацинов надо выявлять смысл этого сюжета в ткани не только соответствующих экскурсов Аммиана, но его сочинения в целом, определять задачи и функции «гуннского сюжета» в достижении автором его целей⁶. Во-вторых, следует учитывать особое место

⁴ Первым в качестве специальной темы этот вопрос проанализировал Х. Трэнкле, см.: Tränkle H. Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber // *Antike und Abendland*. 1962. Bd. 11, No. 1. S. 21–34. Из относительно недавних работ см.: Kelly G. Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian. Cambridge ; New York, 2008; Matthews J. The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. Baltimore, 2007. P. 452–470.

⁵ Наиболее заметные исследования авторских отступлений Аммиана как многофункциональных и значимых композиционно-смысловых приемов: Emmett A. M. Introductions and Conclusions to Digressions in Ammianus Marcellinus // *Museum Philologum Londiniense*. 1981. Vol. 5. P. 15–33; Emmett A. M. The Digressions in the Lost Books of Ammianus Marcellinus // *History and Historians in Late Antiquity* / ed. B. Croke, A. M. Emmett. Sydney, 1982. P. 42–53; Душанић М. Географско-этнографски екскурси у делу Амијана Марцелина. Београд, 1986; Creer T. Ethnography and the Roman Digressions of Ammianus Marcellinus // *Histos*. 2020. Vol. 14. P. 255–274.

⁶ Применительно к анализу описания Аммианом гуннов эти вопросы отчасти затрагивали Ч. Кинг и Д. Бургерсдейк: King Ch. The Veracity of Ammianus Marcellinus' Description of the Huns // *American Journal of Ancient History*. 1987. Vol. 12, No. 1. P. 77–95; Burgersdijk D. Creating the Enemy... P. 111–132.

XXXI книги в пределах и без того рыхлой композиции *Res Gestae*, – место, отличающееся рядом противоречий с некоторыми элементами структуры, смысла и содержания предыдущих книг⁷. Другими словами, описания варваров, даваемые в «гуннском экскурсе», должны сравниваться в первую очередь с описаниями варваров в XXXI книге как в сюжетном и смысловом единстве, и лишь потом сравниваться с описаниями их в *Res Gestae* как опусе, пронизанном единым целеполаганием.

Прежде чем приступить к разбору конкретных стереотипов, связанных с характеристикой, даваемой Аммианом гуннам, аланам и прочимномадам и мигрантам, следует остановиться на том, что позволяло такие стереотипы эффектно применить, т. е. на ряде типичных принципов изображения в *Res Gestae* варваров как таковых. Отчасти подобная текстуальная база рассматривалась в моей статье о месте «гуннского эпизода» в сочинении Аммиана⁸. Теперь имеет смысл дополнить фактологию этой базы примерами тем и мотивов Аммиана, наиболее восприимчивых к интересующим нас стереотипам и трафаретам, созданным классиками Античности при описании примитивных этносов.

Начну с того, что, на первый взгляд, странно: после, казалось бы, обстоятельных и эмоциональных пассажей «гуннского экскурса» описанные в нем дикари, похоже, почти не играют роли в остальной части последней книги *Res Gestae*. Примечательно, но точно так же у Геродота после знаменитого описания Скифии и похода Дария в Северное Причерноморье собственно скифы в значительной степени утрачивают влияние на повествование Галикарнасца. Однако надо учитывать, что авторское отступление, рассказывающее об ужасных степняках, помещено в XXXI книге Аммиана после вступительного пассажа, где надвигающаяся на империю катастрофа предсказывается жутковатыми знаменами, которые, в первую очередь, относятся к событиям, описываемым после «гуннского экскурса» и завершающимся ужасным поражением римлян при Адрианополе в 378 г. Мрачное описание степных варваров, безус-

⁷ См.: Kulikowski M. Coded Polemic in Ammianus Book 31 and the Date and Place of its Composition // Journal of Roman Studies. 2012. Vol. 102. P. 79–102. Ср.: Den Boeft J., Drijvers J. W., Den Hengst D., Teitler H. C. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXXI. Leiden, 2017. P. IX.

⁸ См.: Козлов А. С. Место «гуннского экскурса»... С. 18–31.

ловно, усиливало зловещую атмосферу рассказа, но логикой этого рассказа оно превращается в объяснение катастрофы, которая вот-вот произойдет. «Семя и источник всех разрушений и многообразных бедствий ... восходит, как выяснено, вот к какому событию», — пишет Аммиан, приступая к описанию гуннов (Amm., XXXI, 1.1). Далее, как известно, начинается расчеловечивание гуннов, которое Аммиан открывает описанием нанесения этими варварами надразов на щеки новорожденных.

И тут надо принять во внимание, что вне «гуннского экскурса», в собственно исторических разделах книги (Amm., XXXI, 3–16), этнонимы «гунны» и «аланы» упоминаются всего шесть раз, причем в четырех случаях — вместе, особенно в главе, непосредственно следующей за «гуннским экскурсом». Этноним же «готы» встречается в исторических разделах 13 раз, поскольку эти варвары играют в описываемых здесь военных событиях определяющую роль. К этому можно добавить, что в том же тексте небольшое место отведено готскому народу грейтунгов, жившему на восточном берегу Днестра (ранее этот этнос уже был представлен Аммианом (Amm., XXVII, 5.6.41)). Нетрудно заметить, что в двух из 16 глав (16% от общего объема текста XXXI книги) 14 раз встречается упоминание этнонимической пары «гунны» и «аланы» (из 20 случаев упоминания в *Res Gestae* в целом, т. е. 70%), в то время как в остальных разделах книги преобладает этноним «готы». Отсюда закономерен вопрос о характере функционирования связки «гунны и аланы», логикой текста превращенных чуть ли не в народы-близнецы, после посвященного им «гуннского экскурса».

Аммиан преподносит этот материал следующим образом. В главе 3 гунны, неведомые ранее дикари, пришедшие с дальних краев ойкумены⁹, правят племенами, в чем-то похожими на них. Готы под давлением гуннов намереваются просить у римлян убежища на другом берегу реки Истра, вдали от своих жилищ. После этого гунны и аланы на некоторое время исчезают из тек-

⁹ Наиболее обстоятельно о мифологемах, характеризующих происхождение гуннов, см.: *Maenchen-Helfen O. J.* The Legend on the Origin of the Huns // *Byz.* 1944–1945. Vol. 17. P. 244–251. Ср.: *Ball W.* The Eurasian Steppe: People, Movement, Ideas. Edinburgh, 2021. P. 174; *Kim H. J.* The Huns. London ; New York, 2016. P. 34–35; *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. 1 : Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. Berlin, 1968. S. 5–6.

ста, вплоть до главы 8.4, в которой готы фиксируются к востоку от Дуная; будучи тесными римскими отрядами, они заключают союз с некоторыми шайками гуннов и алан. Возможность такого союза явно определялась тем, что часть гуннов и алан, в свою очередь, в разных формах интегрировалась с частью готов, о чем Аммиан нигде прямо не упоминает¹⁰. Однако известно, что непосредственно перед битвой при Адрианополе аланы вступили в союз с вождями готов Алафеем и Сапфраксом (Amm., XXXI. 12.17). Следы присутствия готов в поле зрения автора *Res Gestae* можно заметить и до фиксации этого события, когда сообщается, что *hostium* (враг, т. е. готы) был замечен как расположившийся лагерем, окруженным повозками (Amm., XXXI, 12.11). Схожую ситуацию можно видеть в рассказе о событиях накануне битвы при Салиции, когда варвары «спокойно наслаждались своей богатой добычей» под пристальным взглядом римлян, которые знали, что враг часто перемещает свои лагерь (Amm., XXXI, 7.5). Третья констатация обычая выстраивать повозки по кругу есть в сообщении о возвращении отрядов варваров в свой лагерь недалеко от Адрианополя (Amm., XXXI, 15.5). Круглая форма лагеря с кибитками также упоминается в том месте «гуннского экскурса», где речь идет об аланах (Amm., XXXI, 2.18). Внимание Аммиана к подобному способу организации варварами своего лагеря не просто подчеркивает аномальность (для римлян) подобного приема ведения войны. Дело в том, что, хотя собственно пара этнонимов «гунны и аланы» не часто встречается в тексте после «гуннского экскурса» и в главе 3, обычай расставлять повозки по кругу и перемещать в процессе передвижения лагеря, возможно, является одним из элементов, который выдает их присутствие в ареале обитания готов последней четверти IV в.¹¹ Можно также предположить, что в условиях попадания под власть более сильной организации

¹⁰ Краткий, но основательный обзор данных источников по этому сюжету см.: *Lenski N. Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century* A. D. Berkeley, 2002. P. 331–332.

¹¹ О различии в презентации соответствующих фактов Аммианом, Зосимом Евнапием и Иорданом см.: *Maenchen-Helfen O. J. The World of the Huns: Studies in their History and Culture*. Berkeley, 1973. P. 21–22. О возможности интерпретации ряда археологических данных как свидетельств контактов гуннов и готов см.: *Erdely I. Goten und Hunnen in Sudrusland // Zeitschrift für Archäologie*. 1992. T. 26. S. 11–16.

кочевников готы, покинув свои постоянные жилища, были вынуждены обрести тенденцию к номадизации¹². Аммиан же в своем «гуннском экскурсе», скорее всего, умело преподнес подобные детали кочевой жизни (чуждые для римлян), чтобы не просто придать экзотичности своему описанию алан. Не является ли подобный писательский прием ключом к пониманию того, что когда речь идет о подготовке варваров к осаде Константинополя, то три народа – готы, аланы и гунны – презентуются как некое триединство (Amm., XXXI, 16.3)?¹³

Из характера замечаний Аммиана относительно событий, связанных с гуннами и аланами, следует, что в логике повествования с ними происходит то же самое, что ранее *Res Gestae* сделали с грейтунгами. Последние, будучи частью готов, тем не менее выступали у Аммиана (как и в иных источниках) в качестве отдельной группы, но после слияния их части с вестготами впоследствии лишь изредка упоминаются как отдельное объединение¹⁴.

Между «гуннским экскурсом» и последующим повествованием есть и другие соответствия. Констатируемое в экскурсе

¹² Следует учитывать, что подобную судьбу испытали и другие объединения: гепиды, герулы, неоднократно упомянутые аланы и др. См.: Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 51. Ср.: *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln ; Graz, 1961. S. 418–419.

¹³ Можно заметить, что в V–VI вв. гунны, готы и булгары упорно рассматриваются просто как ипостаси скифов (см.: *Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy*, 489–554. Cambridge, 1997. P. 523–525). В сочинении Вегеция все три народа упомянуты как единая группа (Veget., I, 20.3). М. Б. Чарльз подробно разбирает случаи в источниках, сходные с этим местом в «Эпитоме» (см.: *Charles M. B. Vegetius in Context. Establishing the Date of the Epitoma Rei Militaris*. Stuttgart, 2007. P. 70–74). Действительно, у Вегеция (Veget., XXII, 8.8) аланы и массагеты упомянуты раздельно, а у Аммиана – вместе, неразделимой по качеству парой (Amm., XXXI, 2.12; ср.: Amm., XXIII, 5.16), точно так же, как у Диона Кассия (Dio. Cass., LXIX, 15.1), ср.: *Rosen K. Wege und Irrwege der Römischen Gothenpolitik in Ammians 31. Buch // Cognitionis Gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus / ed. J. den Boeft, D. den Hengst, H. C. Teitler*. Amsterdam ; Oxford ; New York ; Tokyo, 1992. S. 86, note 2. При описании этносов вокруг Меотиды этноним «аланы» использован как собирательный термин (см.: *Den Boeft J., Drijvers J. W., Den Hengst D., Teitler H. C. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXII*. Groningen, 1995. P. 125).

¹⁴ *Wolfram H. Geschichte der Goten: Von Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie*. München, 1979. S. 51–52.

пристрастие гуннов к *praeda*, *merces* и *praemia* находит отражение в разных случаях, сообщаемых повествованием: они то идут в наемники, то бунтуют из-за добычи, то затевают мятеж без всякой причины. Для гуннов типична податливость на обещание добычи (см.: Аммиан, XXXI, 3.3; 3.9; 7.5; 8.4; 16.3), их «воспламененность дикой жаждой грабежа» – одна из сильнейших инвектив Аммиана (Аммиан, XXXI, 2.12). В битве при Салиции римляне, противостоящие готам, издают боевой клич (*Romani concinentes*), перекрывающий какофонию варварских диких криков (*clamoribus... inconditis*); царит хаотичный шум на разных языках (Аммиан, XXXI, 7.11). Парафразы такого рода шума и воплей выглядят у Аммиана как экспрессия: *clamoribus... inconditis* («с дикими криками»); *interque varios sermonis dissoni strepitus* («и среди этого нестройного шума на разных языках») (Аммиан, XXXI, 7.11)¹⁵. Затем противники издали бросают друг другу вызов, метая стрелы, и, наконец, сходятся в рукопашной схватке на мечах. В связи с этим описанием следует пространный пассаж «гуннского экскурса», посвященный типической схеме подготовки степняков к схватке, началу ее и развертыванию (Аммиан, XXXI, 2.8–9). Аммиан, вероятно, понимал значимость риторического приема, предусматривающего помещение эффектной, запоминающейся информации в финал драматического пассажа¹⁶. Так и здесь – историк подчеркивает, что варвары проделывают все это «с беззаветной отвагой». Описания реальных батальных сцен в XXXI книге вне рамок «гуннского экскурса» явно конкретизировали, создавали живые картины на основе звеньев отмеченной типической схемы.

¹⁵ Дж. Мэтьюз обнаруживает схожий мотив в *clamoribus dissonis*, обозначающем у Аммиана «беспорядочный крик», характерный, в частности, для мавританских мятежников (см.: Matthews J. The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. P. 63). Подобный литературный мотив восходит к временам Гомера, подчеркивая, например, в «Илиаде» языковую разногласицу в ходе битвы. См.: Blockley R. C. Ammianus Marcellinus: A Selection, with Introduction, Notes and Commentary. Bristol, 1980. P. 124; Hanson V. D. The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. Berkeley ; Los Angeles, 1989. P. 124.

¹⁶ Ср.: Грацианская Л. И. Варвар этнический и варвар этический (проблемы источниковедения) // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 3–4.

Обогащение же этих картин заимствованными из «Илиады» трафаретами разноязыких воплей сражающихся позволяет угадывать еще одну черту тех готов, которые были интегрированы гуннами: они, как и гунны, могут рассматриваться как смесь этносов, неукротимых и влекомых жадой убийств и грабежей (Amm., XXXI, 2.12).

Итак, начиная с главы 4 XXXI книги по сути не проводится никаких различий между гуннами и готам. Можно с уверенностью предположить, что именно с этого момента Аммиан презентует *barbaria* как нечто гомогенное: «В то время как открыты были запоры на нашей границе и варвары выбрасывали на нас толпы вооруженных людей, как Этна извергает свой пылающий пепел...» (Amm., XXXI, 4.9). Результат же разрешения варварам войти в пределы империи сформулирован следующим образом: «Так прилагали все старания навести гибель на римский мир» (Amm., XXXI, 4.6). Такого рода формулировки выглядят не менее важными для реализации концепции Аммиана, нежели точное значение лексем. В самом деле, комбинация *turbo* и *favilla* встречается в описании Этны у Вергилия: «и выбрасывает в небо черное облако, курящееся черной как смоль пылью и пламенеющим пеплом» (Verg., Aen., III. V. 572–573)¹⁷. Говоря о гуннах, сметающих все на своем пути, Аммиан уподобляет их «вихрю с высоких гор» (Amm., XXXI, 3.8), используя образ из «Георгик» того же Вергилия (Verg., Georg., II, 106). Называя Вергилия «выдающимся» (*eminentissimus vates*) (Amm., XXXI, 4.6) после цитаты из тех же «Георгик», историк, возможно, подчеркивает, что считает его авторитетом (хотя и не единственным) в характеристике идентичности различных народов. В результате использования Аммианом подобного приема гибель *orbis Romani* выглядит процессом, противоположным конструктивным трудам Энея, как они описаны в «Энеиде».

¹⁷ Среди современных исследователей обращения Аммиана к текстам Вергилия, кроме Г. Келли, следует выделить П. О'Брайена, который подчеркивает «глубокое погружение Аммиана в творческий космос Вергилия» (O'Brien P. An Unnoticed Reminiscence of Aeneid 10.517–20 at Ammianus Marcellinus 22.12.6 // Mnemosyne. 2007. Vol. 60, Iss. 4. P. 666), а «Энеида» является «органичной частью литературной ткани Аммиана» (O'Brien P. Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the Res Gestae // Phoenix. 2006. Vol. 60. P. 298).

Вторжение северных народов сравнивается Аммианом, использующим терминологию Вергилия, со смерчем (*turbo* – Амм., XXXI, 3.8) и извергающимся вулканом (*favilla* – Амм., XXXI, 4.9), которые дополняют элементы воздуха и огня (упомянутые ранее в *Res Gestae* как аллюзия, коррелирующая с образами воды и земли). К ряду подобных образов принадлежит и описание гигантского цунами (Амм., XXVI, 10.15–19), также играющее роль предзнаменования катастрофы при Адрианополе¹⁸. Такого рода катастрофы, по Аммиану, имеют аналогию и в более ранних исторических событиях: «Так, Италию наводнили внезапно тевтоны с кимврами, явившиеся с отдаленных берегов океана» (Амм., XXXI, 5.12). Если же вспомнить частые сравнения степняков в «гуннском экскурсе» с дикими зверями, то аналоги катастрофических явлений природы с нашествиями варваров выглядят логичными.

Картина получается невеселая: не только аномально чуждые народы, но и природные элементы – воздух, огонь, вода и земля – словно сговорились разрушить империю.

Для более глубокого понимания появления в тексте Аммиана подобных аллюзий и характера встраивания их в этот текст, чтобы все это соответствовало концепции автора (пусть и не вполне четкой), следует еще раз вспомнить, что «гуннский экскурс» помещен сразу после фиксации предзнаменования катастрофы и гибели императора Валента и перед описаниями событий, ведущих к злосчастной войне с готами. Расчеловеченные же в «экскурсе», дикие, но грозные степняки, что примечательно, не презентуются Аммианом как полиэтническая масса (в отличие от презентации аланов), хотя на деле они были именно такими. В связи с этим надо учесть, что представление современников Аммиана об отсутствии у гуннов «строгой царской власти» (*nulla severitate regali*) (Амм., XXXI, 2.7) не позволяло римским интеллектуалам классифицировать их. Отсутствие у степняков единой организации (*per indutias infidi et inconstantes*) (Амм., XXXI, 2.11) крайне затрудняло заключение с ними договоров, а значит, и их найм на военную службу. Одна из основных целей «экскурса» заключалась в доказательстве

¹⁸ См.: Kelly G. Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian. P. 98–99; Kelly G. The End of Empire. Attila the Hun and the Fall of Rome. New York, 2010. P. 163.

того, что эти номады стали «семенем и началом всего этого несчастия» и «превосходят своей дикостью всякую меру» (Amm., XXXI, 2.1). Среди элементов, из которых состоит «экскурс», – трафареты классической традиции написания этнографических и историко-этнологических текстов¹⁹.

Яркий пример – описание кочевников-сарацин, живущих между Ассирией и Египтом (Amm., XIX, 4). У них фиксируются прежде всего аномальные в глазах римлянина и грека черты – отсутствие земледелия, постоянных жилищ, законов. У них странные браки, ибо их жены идут в военные наемники, и вообще мужчины и женщины крайне пылки в страстях, причиной чему жаркое солнце их родины (в данном тезисе можно видеть признаки географического детерминизма). Они питаются молоком и растениями и считаются *natio perniciosa* («опасным народом»).

Другой пример – экскурс, посвященный галлам (Amm., XV, 9.12). В нем есть элементы, схожие с описанием сарацин (и даже гуннов), – картина нравов, географии, внешнего вида («почти звериного»), – но самая важная его особенность состоит в том, что вся эта информация помещена в текст после сообщения о назначении цезарем Юлиана, двоюродного брата императора

¹⁹ Приведу один из типичных примеров такого рода трафаретов. Аммиан, знакомый с текстами Гомера и Гесиода, наверняка помнил характеристики фракийцев как «разводящих коней, как номадов», «пьющих кобылье молоко» (Hom., *Ilias*, XIII, 5) и «доющих кобылиц» (Hes., fr. 217b, v. 97–98). Доение кобылиц традиционно ассоциировалось античной мыслью с бытом периферийных народов (см.: Иванчик А. И. «Млекоеды» и «Абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 годы: Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения. М., 1999. С. 7–45; Грацианская Л. И. Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 годы: Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения. М., 1999. С. 46–58). Дж. Мэтьюз по этому поводу пишет: «Именование кочевников “млекоедами” может быть риторическим стереотипом, но потребление молока явно характерно для рациона скотоводов, и нет необходимости отказывать в этом гуннам» (Matthews J. The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. P. 337). Т. е. исследователь в конкретной информации Аммиана справедливо видит проблему переплетения историографической традиции и литературных мотивов. Можно добавить, что в таком же ключе следует относиться к ссылке Аммиана на авторитет Гомера, когда речь идет о народе галактофагов (Amm., XXXIII, 6.62).

Констанция II, и перед рассказом о первых операциях новоиспеченного цезаря против алеманов при Труа и Бротомаге. Т. е. Аммиан использует прием, схожий с будущим применением «гуннского эскурса», – в критический момент развертывания очередного сюжета для усиления напряженности повествования.

Заметим, что, в соответствии с классической этнологической литературной традицией, Аммиан следовал в данном случае одному из своих любимых образцов – «Германии» Тацита²⁰. Как известно, этот знаменитый трактат завершается описанием родственных друг другу народов, живших вблизи римской границы, и среди них – фенов и венетов. Размышляя о возможной связи этих этносов либо с германцами, либо с сарматами, Тацит приводит факты, относящиеся либо к их обычаям, либо к физическому облику. Что касается обычаев, то здесь главным критерием является оседлый или кочевой образ жизни: венеты не живут в повозках и не ездят постоянно на лошадях как сарматы (Тас., Germ., 46). Фены, которых считают звероподобными существами из-за их пищи и одежды, более свирепы. Последнее, кроме всего прочего, отражается и в отсутствии у них религии (Ibid.). Ряд характерных элементов этнологических наблюдений, которые фиксируются Аммианом в рассказах о сарацинах, гуннах и об аланах, присутствует и у Тацита, например, справка о женах, детях и стариках. В связи с последним обстоятельством примечательны два факта – констатация почитания стариков (Amm., XXXI, 2.22; ср.: Тас., Germ., 46.3) и использование для

²⁰ О сочинении Тацита как образце для Аммиана см.: Kelly G. Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian. P. 16–22, 175–189; Kelly G. Ammianus Marcellinus: Tacitus' Heir and Gibbon's Guide // Cambridge Companion to the Roman Historians / ed. A. Feldherr. Cambridge, 2009. P. 348–361. Тацит, в отличие от Вергилия, в сохранившихся книгах *Res Gestae* по имени не упоминается. Это можно расценивать как свидетельство меньшего авторитета автора «Германии» в IV в., но не как факт возможного отсутствия у Аммиана упоминаний о нем. Голландские исследователи *Res Gestae* заметили, что Аммиан, возможно, использовал для изучения германцев «Историю» Тацита, см.: Den Boeft J., Drijvers J. W., Den Hengst D., Teitler H. C. Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXV. Leiden, 2005. P. 215. Об изучении аллюзий Аммиана на тексты Тацита см.: Neumann K.-G. Taciteisches im Werk des Ammianus Marcellinus. München, 1987. Дж. Мэтьюз придерживается противоположной точки зрения, см.: Matthews J. The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. P. 32.

стрел костяных, а не железных наконечников (Amm., XXXI, 2.9). Однако, в отличие от Аммиана, Тацит не рассуждает о каких-то далеких от империи народах (Tac., Germ., 46.4). Таким образом, в этом случае Аммиан явно опирается на более ранние образцы классической этнологии, в частности, на Геродота.

Также следует учитывать распространенный, прежде всего в более ранней традиции, постулат, что народы, живущие близко к природе, в диких условиях, зачастую оказываются более чистыми (прежде всего, морально), нежели другие этносы. Примитивный образ жизни, без законов, роскоши, а иногда и сельского хозяйства и религии мог оцениваться как приносящий некие преимущества (отсутствие зависти, упадка морали, преступности). Примитивизм такого рода, как известно, использовался для характеристик раннего римского и греческого общества, зачастую соотносился с идеализированным «золотым веком» славного прошлого²¹.

Хорошо известно, что Овидий, например в «Фастах», писал об аркадском народе, легендарных римских предках (*Arcades*): «Домом была им листва, вместо хлеба питались травой» (Ovid., Fasti, II, v. 293); в «Искусстве любви» он же, говоря о ранних временах человеческого рода, отмечал то же самое: «Лес ему – дом, трава ему – корм, листва ему – ложе» (Ovid., Ars amat., II, v. 475). В данном случае употребление в пищу диких трав, отсутствие жилья и нормальной постели отнюдь не создают устрашающего портрета дикого народа, а подчеркивают незапятнанное духовное состояние предков. В том же духе и Сенека предполагал, что ношения шкур животных достаточно для удовлетворения потребности человека в одежде (Sen., Ep. 90.16), а скифов считал примером для подражания – мотив, весьма распространенный в моралистических приемах ряда философских и риторических направлений эпохи империи и благополучно доживший до времен епископа Сальвиана Марсельского.

Сочинение Аммиана, описывающее гуннов не просто как «быстрых и неукротимых людей» (*expeditum indomitumque hominum*), а как кровожадных нелюдей, принадлежит прямо противоположному направлению.

²¹ См.: Чернышов Ю. Г. Древний Рим: Мечта о золотом веке. М., 2013. С. 175–176, 179, 181–182.

Положительная оценка примитивного образа жизни, «близкого к природе», безусловно, была топосом латинского нарратива, но для понимания отрицания этого позитива Аммианом следует учитывать разновекторное понимание нюансов концепции «золотого века» в разные периоды Империи. Например, идея «золотого века» весьма оригинально раскрыта Катуллом: когда «Арго» отправляется в плавание по волнам Эгеиды, боги уже покинули землю, а герои погибли на Троянской войне. До этого времени не было мореплавания и земледелия, а человеческая мораль не существовала. Мало того, идея, которая в разных формах представлена в Четвертой эклоге Вергилия (особенно в Verg., Ecl., IV, v. 31–45), заключается в том, что культура цивилизации представляет угрозу для нецивилизованного и морально чистого образа жизни, который воспринимался многими интеллектуалами, современниками Вергилия, не только источником умеренности и скромности в моральном контексте, но и стойкости в военной обстановке. Аммиан подобной оценке чужд, цель его этнологических зарисовок иная. Прямо или косвенно историк везде подчеркивает, что варварам не хватает культуры (в античном понимании), и этим утверждением сводит на нет любой позитив в оценках этнического примитивизма. Для Аммиана дикость варваров – синоним ужаса, охватывающего римлян при виде подобного врага и предвещающего злоещие перспективы для будущего. Между тем даже Юлий Цезарь, на которого недвусмысленно ссылается Аммиан в своем экскурсе о Галлии (Amm., XV, 9), восхвалял белгов, оказывавшихся хорошими воинами благодаря своей оторванности от цивилизованных провинций и отсутствию у них купцов, торгующих предметами роскоши, которые изнеживают мужской дух. Как известно, в своих позитивных оценках чужих народов Цезарь мало отличался от Гомера, Геродота или Тацита. У Аммиана, отражавшего настроения элиты, терпящей страшное поражение, подобный мотив отсутствует, ибо он неприменим к концепции *Res Gestae*. Дикость варваров служит скорее предзнаменованием и объяснением поражения римлян и дискредитирует власти, ответственные за эту катастрофу.

Будучи приверженцем классической этнологической традиции, автор *Res Gestae* ориентируется на модель экскурса

о скифах, построенную Геродотом²². Вопрос о степени зависимости Аммиана от этой модели до сих пор является предметом споров. В частности, на сегодняшний день многие полагают, что Аммиан не обращался к Геродоту для фиксации реалий в XIV–XXX книгах. Зато укрепилось мнение о серьезных заимствованиях из труда Галикарнасца для создания XXXI книги, что объяснимо, например, недостатком знаний о гуннах в конце IV в. Не менее весомо и суждение о том, что рассказ Геродота о номадах был лучшим из всего того, что Аммиан мог в свое время найти о народах азиатских степей; правильность такого метода Аммиану могла подтверждать долгая традиция многих авторов, обращавшихся к аналогичному сюжету в своих трудах. В любом случае это порождает вопрос о характере эвристики автора *Res Gestae* при работе с подобным материалом. Во второй части «гуннского экскурса» наш историк пишет, что опирался на прочитанное и услышанное, не уточняя, у кого или от кого (Amm., XXXI, 2.15). Вообще глагол *assepimus* («мы знаем») используется в *Res Gestae* девять раз, а *assepi* – только однажды, как раз в случае, когда материал явно взят у Геродота (Amm., XXXI, 2.16). Все эти случаи выглядят подражанием манере Галикарнасца, который в своем знаменитом пассаже об «историческом методе» писал, что «слышал» (ἤκουον) о том, что фиксирует (Herod., II, 99); возможно, он подразумевал, что слушал чтение такого рода текстов²³. В других случаях Геродот утверждает, что «видел» (ὤψις) подлежащее фиксации. В контексте своего «скифского повествования» он часто использует оборот «они говорят» (φασί (Herod., IV, 103) и λόγονται; λόγουσι (Herod., IV, 105)) для обозначения источников, часто являющихся информацией автохтонов. В этой связи примечательны слова Аммиана об Истре (Дунае): «Истр, пополнившись водой притоков,

²² *Burgersdijk D.* Creating the Enemy... P. 125. Следует учитывать, что в дошедшем до нас тексте *Res Gestae* имя Геродота всплывает всего один раз, когда речь идет об информации, касающейся строительства великих египетских пирамид (Amm., XXII, 15.28). Голландские комментаторы Аммиана и Г. Саба считают, что данный факт не свидетельствует о непосредственном использовании в данном случае текста Галикарнасца как источника, см.: *Den Boeft J., Drijvers J. W., Den Hengst D., Teitler H. C.* Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXII. P. 281; *Sabbah G.* Ammien Marcellin Histoire. T. VI. Livres XXIX–XXXI. Paris, 1999. P. 247.

²³ *Schepens G.* History and Historia: Inquiry in the Greek Historians // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / ed. J. Marincola. Oxford, 2011. P. 43–44.

протекает...» (Amm., XXXI, 2.13). У Геродота читаем: «...оттого что воды названных рек и многих других вливаются в Истр, он становится величайшей рекой» (Herod., IV, 50). Похоже, что Аммиан следовал Геродоту, не указывая источник.

Можно предположить, что в подобных случаях, т. е. не называя источник, Аммиан предлагал двойное понимание этого текста. С одной стороны, формулой «я прочитал» он делает указание на источник, хорошо знакомый читателю; с другой – эти слова означают подражание стилю выбранной модели. Знаменитые слова самохарактеристики историка о том, что он писал «как бывший солдат и грек по происхождению» (Amm., XXXI, 16.9), позволяют предполагать наличие здесь того и другого одновременно. Аналогичное двойное прочтение собственных суждений Аммиана об использовании им разнородных источников можно видеть в формуле «наблюдая своими глазами или читая в книгах», использованной в экскурсе о Черном море, где сочетаются геродотовские методы *lexis* и *opsis*²⁴. Таким образом, можно присоединиться к мнению тех специалистов, которые допускают, что в «гуннском экскурсе» Аммиан, кроме всего прочего, опирался и на текст Геродота не только в содержательном плане (описывая варварский мир севера), но и в формах нарратива.

Сравнение текстов обоих авторов, наряду с прочим, побуждает к вопросу о том, какие народы Геродот относит к скифам, а Аммиан – к аланам. В понятие «скифы» Геродот включает савроматов, агафирсов, невров, андрофагов и меланхленов (Herod., IV, 100). Аланы, по Аммиану, «распространили свое имя» (Amm., XXXI, 2.13) на нервиев, видинов, гелонов, агафирсов, меланхленов и антропофагов. Таким образом, кроме собственно алан, все народы севера, о которых пишет Геродот, упоминаются и Аммианом, за исключением видинов и гелонов. Но и эти этнонимы, по-видимому, взяты у Геродота, поскольку они характеризуются Галикарнасцем отдельно от других: «Будины – коренные жители страны – кочевники. Это – единственная народность в этой стране,

²⁴ Х. Тейтлер полагает, что различия текстов Геродота и Аммиана, когда первый используется как источник, могут быть объяснены тем, что Аммиан цитировал Галикарнасца по памяти, будучи уверенным в знании его пассажей, см.: *Teitler H. C. Visa vel lecta? Ammianus on Persia and the Persians // The Late Roman World and Its Historian / ed. J. W. Drijvers, D. Hunt. London, 1999. P. 216–223.*

которая питается сосновыми шишками⁷⁴. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно» (Herod., IV, 109). Текст – красноречивый, иллюстрирующий адаптацию Аммианом своей модели к классике: две группы, упоминаемые автором *Res Gestae* в рассказе о северных этносах и которые первоначально не названы Геродотом (будины и гелоны), позднее фигурируют во втором разделе «гуннского экскурса», где автор сравнивает будинов (видины Аммиана) и гелонов по их пищевым предпочтениям, образу жизни (номадизм противопоставлен земледелию) и внешнему виду (традиционный для Геродота критерий языка здесь Аммианом опущен). Возможно, именно такая схема этнологической зарисовки и навела Аммиана на мысль о структуре разделения гуннов и алан в «гуннском экскурсе».

Здесь можно заметить, что Геродот не первый (из известных нам авторов), кто фиксировал среди этносов разницу в уровнях дикости. В абзаце, предшествующем приведенному пассажи, он замечает, что изначально гелоны были эллинами, но после изгнания из своих торговых мест поселились среди будинов. Этот материал позволяет Галикарнасцу сравнить два родственных народа, говорящих на одном языке, по критерию цивилизованности. Вспомним фрагменты из Гомера, позволяющие сравнить циклопов с лестригонами (Hom., Odiss., IX, v.105–115; X, v.112–115). У циклопов нет законов, советов, они живут в пещерах и не занимаются земледелием; у лестригонов же имеется царская власть и определенная степень гражданской организации²⁵. Здесь, как и у Аммиана и Вергилия, при констатации негативных признаков то и дело повторяются *ὄ* (как приставка со значением отсутствия), *οὔτε* (союз со значениями «и не», «ни») и *οὐδέ* (союз со значением «и не», «даже не»). Кроме того, здесь присутствует признак отдаленности этносов во времени, поскольку циклопы – потомки доисторических титанов, которые были ближе к природе и, следовательно, более варварскими, нежели цивилизованное племя

²⁵ Циклопы и лестригоны являются эталонным примером в исторической этнологии, специально проанализированным недавно С. Саид, установившей сходства и различия между этими двумя этносами (*Saïd S. Homer and the Odyssey*. Oxford ; New York, 2011. P. 165–170).

людей. Не удивительно, что они пьют молоко и едят мясо так, как это делают гунны и другие номады²⁶. Таким образом, циклопы – это реликты более ранней эпохи, которые еще обитают, по опыту эллинов, в отдаленных уголках ойкумены (в данном случае – на Сицилии), где культура не была затронута прогрессом.

Если все эти наблюдения соотнести со смыслом «гуннского экскурса», то приходится признать, что хотя в использованных Аммианом стереотипах описания примитивных этносов можно обнаружить определенный интерес к феномену варваров самих по себе, однако пассажи и суждения об этих стереотипах в пределах их контекста явно не были продиктованы любопытством. В них нет и следа доминирующей ранее в классике мысли о скромном и чистом бытии номадов, скорее наоборот. Между тем многие элементы стереотипов в изображении варварского мира были использованы задолго до Аммиана другими авторами (Катулл, Цезарь, Овидий, Вергилий и Тацит) прежде всего для создания образа утраченного благостного первобытного состояния. У Аммиана этот стереотип перевернут с ног на голову, дабы нарисовать мрачную картину жуткой надвигающейся опасности.

В *Res Gestae* создается образ врага ранее неведомого, и потому такой образ можно и нужно было воспринимать с онтологической оценкой *непохожести* и *чуждости*. Рамки, в которых подается такая информация, имеют литературно-этикетную и трафаретную базу, хотя сам материал может быть подпитан аутентичными этнологическими и историческими фактами (одежда, военное дело, быт, обычаи). Однако в совокупности эти стереотипы, дополняя гуннско-аланскую и прочую конкретику, были предназначены не для пополнения знаний читателя, а для объяснения катастрофы, постигшей империю. При этом носителями негатива оказываются не только варвары, но и часть римлян, причем в ряде случаев понятие варварства может распространяться и на них.

Что до гуннов и алан, главных героев «гуннского экскурса», то оба народа были, по крайней мере в повествовании за пределами «экскурса», сюжетно объединены с более знакомыми империи готами, но добавили непредсказуемости в восприятие варварского мира. Отчасти эта непредсказуемость (еще бóльшая чуждость)

²⁶ Об употреблении циклопами молочных продуктов см.: Hom., Odys., IX, v. 297; об употреблении мяса см.: Hom., Odys., IX, v. 289, 311, 314.

обуславливалась отсутствием у гуннов (как предполагал Аммиан) царей, что исключало возможность договоренностей с ними. На фоне пережитой катастрофы под Адрианополем констатация подобного факта делала будущее империи еще более неопределенным.

REFERENCES

- Altheim, F. (1968). *Geschichte der Hunnen. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Amory, P. (1997). *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ball, W. (2021). *The Eurasian Steppe: People, Movement, Ideas*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Blockley, R. C. (1980). *Ammianus Marcellinus: A Selection, with Introduction, Notes and Commentary*. Bristol: Bristol Classical Press.
- Boissevain, U. Ph. (Ed.). (1895–1911). *Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum qui supersunt* (Vols. 1–4). Berolini: Apud Weidmannos.
- Budanova, V. P. (2000). *Varvorskii mir epokhi Velikogo pereseleniia narodov* [The Barbaric World of the Epoch of the Great Migration of Peoples]. Moscow: Nauka.
- Burgersdijk, D. (2016). Creating the Enemy: Ammianus Marcellinus' Double Digression on Huns and Alans ("Res gestae" 31. 2). *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 59(1), 111–132.
- Cassanovas, G. S. (2015). *La erudición y el prejuicio: bárbaro y bárbaros en Amiano Marcelino*. Zaragoza: Universidad de Zaragoza.
- Chernyshov, Yu. G. (2013). *Drevnii Rim: Mehta o zolotom veke* [Ancient Rome: the Dream of a Golden Age]. Moscow: Lomonosov.
- Charles, M. B. (2007). *Vegetius in Context. Establishing the Date of the Epitoma Rei Militaris*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Creer, T. (2020). Ethnography and the Roman Digressions of Ammianus Marcellinus. *Histos*, 14, 255–274.
- Demandt, A. (1965). *Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammian*. Bonn: R. Habelt.
- Den Boeft, J., Drijvers, J. W., Den Hengst, D., & Teitler, H. C. (1995). *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXII*. Groningen: E. Forsten.
- Den Boeft, J., Drijvers, J. W., Den Hengst, D., & Teitler, H. C. (2005). *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXV*. Leiden: Brill.
- Den Boeft, J., Drijvers, J. W., Den Hengst, D., & Teitler, H. C. (2017). *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXXI*. Leiden; Boston: Brill.
- Dushanich, M. (1986). *Geografsko-etnografski ekskursi u delu Amijana Marteslina* [Geographical and ethnographic excursions by Ammianus Marcellinus]. Beograd: Balkanološki institut SANU.

Emmett, A. M. (1981). Introductions and Conclusions to Digressions in Ammianus Marcellinus. *Museum Philologum Londiniense*, 5, 15–33.

Emmett, A. M. (1982). The Digressions in the Lost Books of Ammianus Marcellinus. In B. Croke, & A. M. Emmett (Eds.), *History and Historians in Late Antiquity* (pp. 42–53). Sydney: Pergamon Press.

Erdely, I. (1992). Goten und Hunnen in Sudrusland. *Zeitschrift für Archäologie*, 26, 11–16.

Gratsianskaya, L. I. (1999). Tsentr i periferiia: literaturnoe voploshchenie etnopsikhologicheskikh realii “varvarov” [Center and Periphery: The Literary Embodiment of Ethnopsychological Realities of “Barbarians”]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 1996–1997 gody: Severnoe Prichernomor’e v antichnosti: voprosy istochnikovedeniia* [Ancient States of Eastern Europe. 1996–1997: The Northern Black Sea Area in Antiquity: The Aspects of Source Studies] (pp. 46–58). Moscow: Vostochnaia literatura.

Gratsianskaya, L. I. (2002). Varvar etnicheskii i varvar eticheskii (problemy istochnikovedeniia) [Ethnic Barbarian and Ethical Barbarian: The Problems of Source Studies]. *Antichnyi mir i arkheologiia* [Ancient World and Archeology] (Iss. 11, pp. 3–4). Saratov: Saratov University Press.

Hanson, V. D. (1989). *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Hentze, C. (Ed.). (1878). *Homeri Ilias* (Vols. 1–2). Lipsiae: B. G. Teubner.

Ivanchik, A. I. (1999). “Mlekoedy” i “Abii” “Iliady”. Gomerovskii passazh v antichnoi literature i problemy vozniknoveniia idealizatsii skifov [“Milk Eaters” and the “Abii” of the Iliad. Homer’s Passage in Ancient Literature and the Problems of the Idealization of the Scythians]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 1996–1997 gody: Severnoe Prichernomor’e v antichnosti: voprosy istochnikovedeniia* [Ancient States of Eastern Europe. 1996–1997: The Northern Black Sea Area in Antiquity: The Aspects of Source Studies] (pp. 7–45). Moscow: Vostochnaia literatura.

Kelly, G. (2008). *Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kelly G. (2009). Ammianus Marcellinus: Tacitus’ Heir and Gibbon’s Guide. In A. Feldherr (Ed.), *Cambridge Companion to the Roman Historians* (pp. 348–361). Cambridge: Cambridge University Press.

Kelly, C. (2010). *The End of Empire. Attila the Hun and The Fall of Rome*. New York: W. W Norton & Company.

Kim, H. J. (2016). *The Huns*. London; New York: Routledge.

King, Ch. (1987). The Veracity of Ammianus Marcellinus’ Description of the Huns. *American Journal of Ancient History*, 12(1), 77–95.

Kozlov, A. S. (2023). Mesto “gunnskogo ekskursa” v *Res Gestae* Ammiana Martsellina [Place of the “Account of the Huns” in Ammianus Marcellinus’ *Res Gestae*]. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka*, 51, 12–35. <https://doi.org/10.15826/adsv.2023.51.001>.

Kulikowski, M. (2012). Coded Polemic in Ammianus Book 31 and the Date and Place of its Composition. *The Journal of Roman Studies*, 102, 79–102.

Lenski, N. (2002). *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D.* Berkeley: University of California Press.

Судьба стереотипов изображения номадов в *Res Gestae*

- Maenchen-Helfen, O. J. (1944–1945). The Legend on the Origin of the Huns. *Byzantion*, 17, 244–251.
- Maenchen-Helfen, O. J. (1973). *The World of the Huns. Studies in their History and Culture*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Matthews, J. (2007). *The Roman Empire of Ammianus Marcellinus*. Baltimore: Michigan Classical Press.
- Merkelbach, R., & West, M. L. (Ed.). (1967). *Fragmenta Hesiodica*. Oxonii: Typ. Clarendoniano.
- Merkelil, R. (Ed.). (1964). P. Ovidius Naso. Fastorum libri. In R. Merkelil (Ed.), *P. Ovidius Naso. Opera* (Vol. 3, pp. 201–338). Lipsiae: B. G. Teubner.
- Neumann, K.-G. (1987). *Taciteisches im Werk des Ammianus Marcellinus*. München: Ludwig-Maximilians-Universität.
- O'Brien, P. (2006). Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the *Res Gestae*. *Phoenix*, 60, 274–303.
- O'Brien, P. (2007). An Unnoticed Reminiscence of Aeneid 10.517–20 at Ammianus Marcellinus 22.12.6. *Mnemosyne*, 60(4), 662–668.
- Prage, T. E. (Ed.). (1922). *P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica* (pp. 1–284). London: Macmillan.
- Ribbeck, O. (Ed.). (2010). *P. Vergili Maronis Aeneis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Richter, W. (1974). Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus (31, 2, 1–11). *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*, 23, 343–377.
- Rosen, K. (1992). Wege und Irrwege der Römischen Gothenpolitik in Ammians 31. Buch. In J. den Boeft, D. Den Hengst, & H. C. Teitler (Eds.), *Cognitio Gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus* (pp. 85–90). Amsterdam; Oxford; New York; Tokyo: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences.
- Rosen, H. D. (Ed.). (1987). *Herodoti Historiae* (Vol. 1). Leipzig: B. G. Teubner.
- Sabbah, G. (1999). *Ammien Marcellin Histoire. Tome VI. Livres XXIX–XXXI*. Paris: Les Belles Lettres.
- Saïd S. (2011). *Homer and the Odyssey*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Schepens, G. (2011). History and Historia: Inquiry in the Greek Historians. In J. Marincola (Ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography* (p. 39–55). Oxford: Blackwell.
- Seyfarth, W. (Ed.). (1978). *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* (Vols. 1–2). Berlin: B. G. Teubner.
- Teitler, H. (1999). Visa vel lecta? Ammianus on Persia and the Persians. In J. W. Drijvers, & D. Hunt (Eds.), *The Late Roman World and Its Historian* (pp. 216–223). London; New York: Routledge.
- Tränkle, H. (1962). Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber. *Antike und Abendland*, 11(1), 21–34.
- Wenskus, R. (1961). *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln; Graz: Böhlau Verlag.
- West, M. L. (Ed.). (2017). *Homerus. Odyssea*. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Williams, J. H. (Ed.). (1884). *Ovidii Nasonis Ars amatoria et Amores*. London: George Bell and Sons.

А. С. Козлов

Wolff, E. (Ed.). (1907). *Tacitus' Germania*. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner.

Wolfram, H. (1879). *Geschichte der Goten: Von Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie*. München: C. H. Beck.

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: alarich@yandex.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Mediaeval History Department
Ural Federal University

51 Lenina Ave, Ekaterinburg, 620000,
Russia

Email: alarich@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9203-9169>